

Итак, работа по использованию других памятников для текстологического исследования чрезвычайно трудоемка и требует предварительного текстологического исследования всех привлекаемых к сличению произведений. Эта работа мало производилась даже по основным памятникам древнерусской литературы, но она может дать интереснейшие и существенные выводы, особенно в отношении тех произведений, древнейший текст которых до нас не дошел.

В целом же ни один памятник древнерусской литературы не должен исследоваться текстологом изолированно от других памятников, если эта изолированность не лежит в самой истории текста этого памятника. Таких изолированных памятников в древнерусской литературе крайне немного. «Поучение» Владимира Мономаха — один из немногих примеров такой текстологической изолированности.

Рассмотрев в предшествующем разделе необходимость изучения текста памятника в тесной связи с историей текста тех сборников, в которых читается произведение, а в данном разделе необходимость изучать текст памятника в связи с текстами тех памятников, которые находились с изучаемыми в литературном родстве, мы можем говорить о комплексном изучении текста как об одном из важнейших принципов текстологии. В текстологии все взаимосвязано, нельзя предвзято ограничить изучение памятника какой-либо одной его стороной, нельзя изолировать памятник, как мы видели, не только от других памятников и от текста содержащих его сборников, но и от всех вопросов истории литературы и от данных истории.

Чем шире текстолог в своем исследовании, тем успешнее он работает, тем меньше опасности имеет для него известная механичность в приемах работы, выработанная традиционной текстологией.

Изучение текстов в связи с работой скрипториев

В определении причин изменения текста, да и в установлении этих изменений очень большое значение имеют данные, извлекаемые из рукописей, вышедших из одной и той же книгописной мастерской. У книгописной мастерской могут быть свои особые цели переписки, свои идеи, пронизывающие текст целого комплекса рукописей, своя манера работы, даже свои почерки и свои переплеты. К сожалению, изучением скрипториев у нас начали заниматься только в самое последнее время, поэтому данные, которые могут быть извлечены в целях истолкования литературных текстов из сопоставления с другими рукописями, вышедшими из тех же скрипториев, привлекались пока что совершенно недостаточно.

В широкой степени впервые привлек эти данные для русского материала М. Д. Приселков в исследовании ханских ярлыков русским митрополитам¹.

¹ М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам. СПб., 1915.

С этой же точки зрения большой интерес представляет двухтомный труд Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XV веков»¹. Л. В. Черепнин стремится рассматривать даже актовъй материал в системе тех собраний, в которых он переписывался или хранился. Он пытается реконструировать архивные собрания отдельных феодальных княжеств и воссоздать процесс их концентрации в Москве в связи с объединительной политикой московских великих князей. Этот метод реконструкции феодальных архивов позволяет в ряде случаев полнее и всестороннее понять значение каждого отдельного документа. Так, например, Белозерскую уставную грамоту 1488 г. Л. В. Черепнин удачно выводит из жалованных грамот белозерских князей Кириллову монастырю, копии с которых в 80-х годах XV в. были посланы в Москву и легли в основу работ по кодификации русского феодального права.

Оригинально и убедительно показаны в работе Л. В. Черепнина причины и цели составления в Москве в 70-х годах XV в. сборника копий с новгородских актов. Как доказывает Л. В. Черепнин, между всеми новгородскими грамотами в этом сборнике имеется внутренняя связь: все они подобраны по определенному принципу и расположены в продуманной системе. Л. В. Черепнин выясняет, что при составлении сборника текст таких документов, как Новгородская судная грамота, был сознательно сокращен. Значительная часть Новгородской судной грамоты не попала в сборник; скопированы были только те разделы, которые интересовали в данный момент московское правительство. Сборник новгородских актов «обслуживал задачи политики московского правительства, пытавшегося, опираясь на социальные низы, раздавить феодальную оппозицию в Новгороде и включить его в состав Русского государства»².

Новый принцип целостного изучения изменений текста документов в составе больших собраний дал особенно плодотворные результаты в отношении актов, сохранившихся в так называемых копийных книгах. Эти копийные книги также изучаются Л. В. Черепниным как некие единые, проникнутые общей идеей собрания. Каждый сборник копий, если вскрыть имеющуюся в нем систему подбора актов, задачи и цели составления, приобретает сам по себе характер особого исторического источника с ярко выраженным классовым содержанием. Самое возникновение копийных книг, как устанавливает Л. В. Черепнин, было отнюдь не случайным: в каждом отдельном случае оно было обусловлено определенными историческими причинами.

Прослеживая «жизнь» документа в составе феодальных архивов, сборников, «копийных книг» и т. д., Л. В. Черепнин вскрывает в нем новую сторону, показывает его активную роль в политической действительности XIV—XVI вв.

¹ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, т. I—II. М.; Л., 1948, 1951.

² Там же, т. I. С. 8.

Особенный интерес представляют дьяческие пометы на документах, их неизданные черновики, копии с них и т. д. Новый текстологический подход к актовому материалу, в сущности, открыл способ «обогащения» источниковедческого материала, подобно тому как существуют способы «обогащения» руд. «Отработанный» в старых исследованиях документ, благодаря новым способам изучения его текста в связи со всем собранием, в составе которого он переписывался или хранился, дает новый исторический материал, подобно тому как «отработанная» горная порода дает новые выходы металла под влиянием новых, более совершенных способов ее обработки. Благодаря новому подходу к изучению текстов документов открываются новые возможности изучения и использования старых, уже известных источников.

Надо, впрочем, сказать, что новый подход не может быть механически применен ко всем случаям жизни исторического документа или памятника литературы в составе какого-либо собрания. Не избежал натяжек и Л. В. Черепнин. Исследователь-текстолог должен постоянно считаться с возможностью случайностей — в составе ли самого документа, в составе ли сборника или, в особенности, в составе архива. Состав сборников, как и состав летописей, хронографов, различных компиляций, не всегда, конечно, определяется какими-либо политическими тенденциями составителя. Очень часто на него могли повлиять случайные утраты или приобретения составителя. Однако текстолог во всех случаях изменения текста сборника или иного собрания должен прежде всего проверить: не явились ли эти изменения результатом сознательных усилий их составителей.

Иного рода материал представляют две чрезвычайно важные статьи Я. С. Лурье и Н. А. Казаковой, появившиеся одновременно в т. XVII «Трудов Отдела древнерусской литературы» и посвященные изучению книгописной деятельности двух кирилло-белозерских монахов — Ефросина и Гурия Тушина¹.

Деятельность обоих изучается в этих статьях в самом широком плане. Прежде всего устанавливаются рукописи, переписанные ими лично и в их книгописных мастерских, их деятельность в целом, все биографические данные, которые могут быть о них собраны. Затем изучается состав переписанных ими и в их мастерских рукописей с точки зрения отраженных в них их личных интересов, мировоззрения, взглядов и даже литературной и редакторской манеры, характер переработок текста, ими допускаемый.

Изучение деятельности Ефросина тем более важно, что рукою его написаны древнейшие списки «Задонщины», «Повести о Дракуле», «Хождения» игумена

¹ Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, т. XVII. М.; Л., 1961; Н. А. Казакова. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина. — Там же; см. также: М. Д. Каган, Н. В. Поньрко, М. В. Рождественская. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина. — ТОДРЛ, т. XXXV. Л., 1980.

Даниила, сербской «Александрии», «Сказания об Индийском царстве», «Снов царя Шаханши», «Епистолии о неделе» («Свитка иерусалимского»). Изучение текста всех этих произведений в рукописях Ефросина помогло Я. С. Лурье установить, что Ефросин был далеко не безразличен к тексту переписываемых им произведений, подвергал его однообразным, свойственным ему весьма индивидуальным изменениям. Именно полное исследование редакторских приемов Ефросина, осуществленное Р. П. Дмитриевой, позволило ей отчетливо показать, что в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины», переписанном Ефросином, перед нами вовсе не «древнейшая» редакция, а именно характерная для этого писца сокращенная переработка текста памятника. Это наблюдение полностью опрокидывает построения Фрчека—Мазона—Зимины, согласно которым дошедший до нас текст «Слова о полку Игореве» якобы ближе к поздней редакции «Задонщины», а поэтому не может лежать в ее основе, ибо сам зависит от «Задонщины» позднего вида¹.

Попутно заметим, что еще В. П. Адрианова-Перетц обратила внимание на то, что название «Задонщина» встречается только в одном списке этого произведения — Кирилло-Белозерском и что это название находится в связи с другими выражениями того же сборника: «Мамаевщина», «Токтамышевщина» (к ним Я. С. Лурье добавил и слово «Момятыковщина», написанное на полях рукописи рукою Ефросина)².

Я не останавливаюсь здесь на всем своеобразии книгописного творчества Ефросина: это достаточно хорошо сделано Я. С. Лурье и Р. П. Дмитриевой, к работам которых я и отсылаю читателей. Важно отметить, что особенности редакторской работы Ефросина тесно связаны с чертами эпохи, но в них есть и резко индивидуальное, что особенно легко выясняется по сравнению с книгописной деятельностью Гурия Тушина. Если в первом Я. С. Лурье справедливо усматривает светское направление интересов, то во втором (монахе того же Кирилло-Белозерского монастыря) Н. А. Казакова видит направление созерцательно-аскетическое, связанное с направлением Нила Сорского. Выводы Я. С. Лурье и Н. А. Казаковой позволяют считать, что хотя индивидуально авторские черты выступают в древнерусской литературе значительно слабее, чем в новой, однако они все же не отсутствуют и в известной мере с ними необходимо считаться текстологу.

Любопытно и другое. Н. А. Казакова проследила не только отражение мировоззрения Гурия Тушина в подборе переписываемых им сочинений, в тех изменениях, которые он в них вносил, но ей удалось отчасти проследить

¹ Р. П. Дмитриева. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина. (К вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»). — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966.

² См. также: Д. С. Лихачев. О названии «Задонщина». — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.; Л., 1964.

и эволюцию взглядов Тушина¹, а это опять-таки говорит о том, что индивидуальные отличия книгописцев Древней Руси были явлением вполне реальным.

Изучение индивидуальной манеры отдельных книгописцев и особенностей целых скрипториев (Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Троице-Сергиевского и многих, многих других) — важная и плодотворная задача текстологического изучения древнерусской письменности.

«Макротекстология»

В связи с необходимостью изучать историю текста крупных компилятивных произведений — сборников, хронографов, четых миней, прологов и пр. — в последние годы появилась тенденция к облегчению себе этой кропотливой и трудоемкой работы над ними путем различных приемов, предполагающих возможность установления взаимоотношения списков этих крупных произведений способом выделения в них «существенных признаков» и классификации списков только по этим «существенным признакам». Такая классификация, а иногда даже и попытка установления по ним истории текста объявляется особым текстологическим методом — «макротекстологией», способной якобы полностью заменить собой нормальное детальное сличение текстов. На самом же деле классификация списков по «существенным признакам» (например, наличие или отсутствие той или иной части произведения — предисловия, какого-либо рассказа, речи действующего лица и пр.) может иметь только предварительное и «наводящее» значение. Так, например, если текстологу предстоит произвести сличение нескольких сот списков большого памятника (особенно компилятивного), то чтобы облегчить себе работу по сличению, он может, как бы предугадав выводы сличения, расположить списки по тем или иным гипотетическим группам, которые, возможно, в дальнейшем исследовании и на самом деле окажутся редакциями, видами, группами текста. Сличать лучше всего тогда, когда списки для сличения расположены в порядке, соответствующем в какой-то мере истории текста. И если текстологу удастся предугадать выводы сличения, то это большое облегчение ему в работе. Расположение списков по «существенным признакам» для сличения — прием, облегчающий очень часто работу текстолога.

«Макротекстология» больших по величине и с многочисленными списками произведений может рассматриваться как предварительный рабочий прием исследования, отнюдь не заменяющий обычное текстологическое исследование. На самостоятельные, окончательные выводы «макротекстология» не имеет права. Поэтому и термин этот может употребляться толь-

¹ Н. А. Казакова. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина. С. 194.